DOI 10.58351/2949-2041.2026.40.11.006

Оленина Арина Сергеевна
Магистрант, Факультет подготовки иностранных обучающихся
Центр тестирования иностранных граждан

Блинов Руслан Николаевич, кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых и общеправовых дисциплин
Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

БРЕМЯ ДОКАЗЫВАНИЯ НАЛИЧИЯ АВТОРСКИХ ПРАВ НА ПЕРЕВОД В РОССИИ: ДОГОВОР С ПЕРЕВОДЧИКОМ

Аннотация. Статья посвящена анализу проблемы распределения бремени доказывания при защите авторского права на перевод в России. Особое внимание уделяется требованиям судов к предмету договора. Делается вывод о том, что отечественная судебная практика фактически возлагает бремя доказывания на истца, что создает существенные препятствия для защиты прав на производные произведения в рамках заключенного договора.

Ключевые слова: Перевод, производное произведение, бремя доказывания, договор авторского заказа, исключительное право.

Традиционно перевод рассматривается в качестве одного из видов производных произведений и является объектом авторского права, подлежащим правовой охране. В соответствии с п. 3 ст. 1260 ГК РФ переводчик обладает авторскими правами на созданный им перевод независимо от прав автора исходного произведения [1]. Данное положение полностью отвечает нормам, установленным ст. 2 (3) Бернской конвенции. Однако Конвенция также устанавливает критерий защиты авторского права переводчика с тем условием, что его работа не наносит ущерб автору оригинала [2, с. 9]. В связи с этим в правоприменительной практике возникает коллизия, когда истец должен доказать, что действительно обладает правами на свой перевод.

Прецедентным является решение Суда по интеллектуальным правам (далее – СИП) от 7 октября 2025 года [3], анализ которого позволяет нам проследить последовательное применение ст. 1260 и ст. 1288 ГК РФ, а также выявить правовую неопределенность, связанную с договором авторского заказа. В деле № А14-13149/2024 дефекты в оформлении договора с переводчиком повлияли на итоговое решение суда. Из постановления СИП следует, что истец обратился в суд с требованием о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на письменный перевод инструкции к товару. В качестве доказательств истец предоставил договор на оказание услуг, заключенный с переводчиком, а также акт выполненных работ. Один из пунктов соглашения предусматривал, что заказчик наделяется исключительным правом на все объекты, созданные в процессе оказания услуг по договору.

СИП отказал в удовлетворении иска, ссылаясь на тот факт, что предоставленные доказательства не отражают характер перевода (инструкция). В тексте договора и акта выполненных работ отсутствует описание товара, для которого осуществлялся перевод прилагающейся инструкции. Исходный текст также не был прикреплен к тексту договора. И, что наиболее существенно, отсутствовало разрешение автора оригинала на перевод. На решение суда также повлияло то обстоятельство, что ответчик получил оригинал инструкции от китайского производителя уже в переведенном виде (на английский язык) и не имел возможности ознакомиться с ним до фактического получения товара.

Как уже было отмечено, в соответствии со ст. 1260 ГК РФ перевод является объектом авторского права, при оценке которого учитывается творческий вклад переводчика в работу. Ст. 1288 ГК РФ, в свою очередь, регулирует договор авторского заказа, предметом которого в данном случае является создание производного произведения (перевода). Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 47 Постановления № 10 от 23.04.2019 вносит разъяснение,

согласно которому договоры, предмет которых предполагает создание производного произведения, регулируются положениями ст. 1288, ст. 1296 или ст. 1298 ГК РФ. Однако в анализируемом деле суд сослался на эти нормы не столько для квалификации соглашения в качестве договора авторского заказа, сколько для проверки его доказательственной силы. Суд не устанавливает положение произведения, в авторских правах на которое заинтересован истец. Договор, заключенный с переводчиком, не подтверждает связь между переводом и оригинальной инструкцией, поскольку в тексте отсутствует указание на товар, связанный с инструкцией. Информация о точном объеме (в страницах) также отсутствует. Помимо этого, акт выполненных работ ограничивается общей формулировкой о многостраничном переводе без указания объема перевода или ссылки на исходный текст инструкции. Это создает ситуацию, при которой суд лишается возможности установить взаимосвязь между произведением, созданным по договору, и произведением, размещенным ответчиком. Бремя доказывания в данном случае лежит на истце. Ссылка на пункт договора о переходе исключительных прав оказывается недостаточной, поскольку сам объект перехода прав не определен.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о разрешении автора оригинала. Согласно п. 3 статьи 1260 ГК РФ, переводчик осуществляет свои авторские права при условии соблюдения прав авторов произведений, использованных для создания производного произведения. Хотя положение статьи и допускает создание перевода без согласия правообладателя в отдельных случаях, коммерческое использование перевода обязывает к получению разрешения от автора оригинала. В деле № А14-13149/2024 суд отметил отсутствие доказательств такого согласия, что создало дополнительное основание для отказа в удовлетворении иска.

Мы можем сделать вывод, что рассмотренное нами решение суда иллюстрирует системную проблему российской правоприменительной практики в области защиты авторских прав. Суды подходят к договорам с переводчиками с позиций формальной определенности и не допускают восполнения пробелов через иные доказательства. Это создает риск для добросовестных заказчиков, которые полагаются на общие формулировки о переходе авторского права без конкретизации объекта переданных прав. Для преодоления этой проблемы следует, во-первых, указать в договоре с переводчиком точное наименование оригинала, его объем, физический или электронный носитель и дату передачи, а также прикреплять копию исходного текста к договору. Во-вторых, при составлении акта выполненных работ рекомендуется дополнить его приложением с текстом перевода. В-третьих, при коммерческой реализации перевода необходимо получить разрешение от автора оригинала. Кроме того, заслуживает внимания вопрос об определении творческого вклада переводчика в работу с технической документации. Как отметил суд в деле № А39-7023/2024, перевод инструкции по эксплуатации бытового прибора предполагает наиболее точное соответствие тексту оригинала, что в теории может исключить творческий вклад переводчика. Это создает дополнительную сложность для признания таких переводов объектами авторского права, что требует назначения лингвистической экспертизы для признания авторского права на перевод и соблюдения баланса между всеми участниками данного правоотношения.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 14.03.2026).

2. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) // Бюллетень международных договоров. 2003. № 9.

3. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 7 октября 2025 г. № С01-1106/2025 по делу № А14-13149/2024 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 12.11.2026)